

RU

Религиозные константы как кодификатор этнического образа в русской литературе XIX века

Сарбаш Л. Н.

Аннотация. Цель работы - выявление функционального назначения религиозных констант в создании инонационального образа в русской литературе XIX века. Рассматриваются «мусульманские» константы в произведениях М. И. Невзорова, П. П. Свинына, Т. С. Беляева, П. М. Кудряшева; анализируются конфессиональные кодификаторы в произведении Ф. М. Достоевского («Записки из Мертвого дома») и мифологемы религиозного дохристианского сознания в произведениях Н. Д. Телешова («Сухая беда») и Н. С. Лескова («Очарованный странник»). Научная новизна работы заключается в исследовании специфики назначения религиозных констант, максимально полно передающих представление об «инокультуре» как в содержательном, так и поэтическом аспекте, в анализе средств поэтики в художественном конструировании этнического образа. В результате проведенного исследования приходим к заключению: в создании инонационального образа доминантными в произведениях рассматриваемых писателей являются как конфессиональные религиозные, так и дохристианские языческие константы, передающие сущность и идентичность нерусских явлений большого российского мира. Формы текстуализации конфессиональных составляющих в создании инонационального образа различны: они представлены в таких вариантах ретрансляции, как описание места поклонения мусульман, отдельные коранические константы, мусульманские эпиграфические надписи и молитвенный текст в идейно-художественной системе произведений; религиозные праздники разных вероисповеданий и евангельские, коранические, ветхозаветные реминисценции; доминантные мифологемы дохристианского религиозного сознания.

EN

Religious Constants as an Ethnic Image Codifier in Russian Literature of the XIX Century

Sarbash L. N.

Abstract. The aim of the work is to identify the functional purpose of religious constants in creating a foreign image in Russian literature of the XIX century. “Muslim” constants in the works of M. I. Nevzorov, P. P. Svinin, T. S. Belyaev, P. M. Kudryashev are considered; confessional codifiers in the work of F. M. Dostoevsky (“Notes from the House of the Dead”) and the mythologemes of religious pre-Christian consciousness in the works of N. D. Teleshov (“Dry Trouble”) and N. S. Leskov (“The Enchanted Wanderer”) are analysed. The scientific novelty of the work lies in studying the specifics of the purpose of religious constants, which convey the idea of “foreign culture” as fully as possible, both in the content and poetic aspects, in the analysis of poetics means in the artistic creation of an ethnic image. As a result of the study, we come to the following conclusion: in the creation of a foreign image, both confessional religious and pre-Christian pagan constants are dominant in the works of the writers under consideration, conveying the essence and identity of non-Russian phenomena of the large Russian world. The forms of confessional components textualization in the creation of a foreign image are different: they are presented in such variants of retranslation as a description of the place of worship of Muslims, individual Koranic constants, Muslim epigraphic inscriptions and a prayer text in the ideological and artistic system of works; religious holidays of different faiths and gospel, Koranic, Old Testament reminiscences; dominant mythologemes of pre-Christian religious consciousness.

Введение

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью исследования содержательно-поэтической специфики этнического образа в русской литературе XIX века. Изучение рецепции инонационального

как творческого воплощения нерусского, «иноного» через призму духовно-нравственных координат русской художественной традиции – одно из перспективных направлений современного литературоведения, обращающегося к проблемам творческого взаимодействия и межкультурного диалога.

Для успешного достижения цели исследования ставятся следующие задачи: 1) выявление религиозных констант в анализируемых произведениях; 2) дефиниция и интерпретация религиозных составляющих в инонациональном образе; 3) установление функционального назначения мифологем религиозного сознания в идейно-художественной системе произведений.

В статье применяются такие методы исследования, как культурно-контекстуальный, сравнительно-сопоставительный, историко-типологический.

Теоретической базой работы явились труды отечественных ученых, посвященные исследованию межкультурного диалога, соотношения «своего» и «чужого» в художественном тексте (Бахтин, 1986; Лотман, 1992; Библиер, 1989). Некоторые аспекты религиозно-мифологического подтекста в соединении национального с религиозным, интерпретации конфессионального текста и функционирования мифологем национального сознания в создании этнического образа рассматривались в филологической науке (Борисова, 1991; Сарбаш, 2012b; 2013).

В качестве материала исследования послужили произведения М. И. Невзорова (Невзоров М. И. Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г. М.: В Университетской типографии, у Люби, Гария и Попова, 1803. Ч. 1); П. П. Свинына (Свинын П. П. Картины России и быт разноплеменных ее народов. Из путешествий П. П. Свинына. СПб.: Типография Н. Греча, 1839. Ч. 1); Т. С. Беляева (Беляев Т. С. Песнь Курайча Рифейских гор // Поэты 1790-1810-х годов / вступит. ст. и сост. Ю. М. Лотмана. Л.: Советский писатель, 1971); П. М. Кудряшева (Кудряшев П. М. Песнь башкирца после сражения // Вестник Европы. 1828. № 15); Н. С. Лескова (Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12-ти т. М.: Правда, 1989. Т. 2); Н. Д. Телешова (Телешов Н. Д. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 2); Ф. М. Достоевского (Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15-ти т. Л.: Наука, 1988. Т. 3); Молитвослов (СПб.: Синодальная типография, 1908); Коран (перевод с арабского акад. И. Ю. Крачковского. М.: Анс-принт, 1990).

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы при изучении спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам творческого взаимодействия и межкультурного диалога. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников и учебных пособий по истории русской литературы XIX века.

Основная часть

В создании инонационального образа русские писатели обращались к этническим константам – тем религиозно-культурным определителям, которые характеризовали своеобразие того или иного национального явления. Это были и конфессиональные константы веры; и дохристианские языческие мифологемы, представляющие глубинное сознание народа; и фольклорные легенды и предания, песни и сказания, связанные с культурно-историческим развитием этноса; и обычаи и обряды как выражение традиции и уклада жизни; и национальный костюм как яркий ретранслятор «инокультуры».

В апперцепции этнического образа русские писатели XIX века часто задействовали конфессиональные константы, связанные с иной религиозной традицией. Одним из первых, кто обратился к изображению мусульманской веры в ее разнообразных проявлениях, был М. И. Невзоров. В сочинении «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» присутствует описание большого пласта жизни казанских татар, в передаче которого акцентируются именно религиозные аспекты. Писатель обращается к духовному опыту народа, когда кодификатором этнического выступает именно вера как основа духовного бытия.

Ретранслятором «иноного», «другого» в повествовании путешествия предстает культовое сооружение исламской веры, место поклонения – мечеть. Для русского читателя автор обстоятельно описывает мечеть, давая необходимые пояснения ее составляющих частей. Апперцепция иноного религиозного опыта позволила автору – в диалогическом ракурсе сопоставления – мусульманское татарское, отличное от русского, конкретизировать и объяснять христианским. Например, ниша в мечети, имеющая определенную религиозную коннотацию и символизирующая собой Мекку, соответствует алтарю православного храма; настойчивый призыв муэдзина к намазу – церковному колокольному звону, а «возвышенное место», с которого служитель ислама обращается к правоверным, – христианскому клиросу (Невзоров, 1803, с. 224). В «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» намечается интересная культовая аналогия храмовых сооружений, естественно выводящая на этноконфессиональность и полихромность русской действительности.

Передача татарской идентичности позволяет ввести в путешествие основополагающую религиозную константу – непосредственный текст мусульманских молитв, который представляет особую значимость в произведении М. И. Невзорова. Писатель репродуцирует в повествование «Путешествия в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» большого объема молитвенный текст, соответствующий различным моментам мусульманского богослужения. Следует отметить: никто из русских писателей, ни до М. И. Невзорова, ни после него, не обращался более в таком объеме и в такой полноте к мусульманскому религиозному тексту. Писатель знакомит русского читателя, исповедующего другую веру, с религией «мухаммеданской» в таком ее проявлении, как молитва, – непосредственном обращении человека к Богу. М. И. Невзоров (1803) передает «Татарское богослужение»

в его характерных моментах, каждый из которых конкретизируется текстом молитвы. Этнорелигиозная репрезентация начинается в «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» с утреннего призыва муэдзина к богослужению, текст которого эксплицируется в повествование с передачей явления в основных религиозных нарративах: «Бог есть велик, Бог есть велик, и нет другого Бога, кроме одного. Магомет есть Пророк Его; поспешайте творить доброе дело Богослужения» (с. 221).

Развернутая и обстоятельная «речь» муллы к верующим, следующая за призывом муэдзина, дается с дифференциацией текста, который разграничивается на две части: ту, что произносится во время богослужения и после него. В речи муллы отводится большое место Богу мусульман – «единому Всемогущему Создателю» и его сущности в ином конфессиональном утверждении: «Да будет полная хвала Высочайшему создателю! Он есть един беспримерный и в единстве нет Ему подобнаго... До сотворения дней Он есть Бог, и по кончине дней Он есть Бог. Молитесь ему правоверные... Алла Боже мой Создатель! Алла Боже мой создатель! Алла Боже мой Создатель! Помилуй меня» (Невзоров, 1803, с. 229-230). В провозглашаемом имамом воззвании автором особо выделяются и приводятся наставления мусульманам: оберегать себя от соблазнов, «не оставлять» никогда богослужений, которые ведут к «вечному блаженству»; откладывающие же богослужение подвергают себя всевозможным дьявольским искушениям (Невзоров, 1803, с. 237-238). Конфессиональным текстом в таком обстоятельном изложении идентифицируется специфика татарского как иного российского вероисповедания. В «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» явно просматривается и просветительское намерение автора: дать представление русскому читателю о «другом» – мусульманской вере в ее главных религиозных составляющих. Будучи христианином, человеком православным, автор проявляет внимание и уважение к иной религиозной российской традиции.

В проповеди муллы автором дается акцентуация на тех, кто входит в религиозно-культурный тезаурус ислама, сподвижниках пророка Мухаммада. В качестве религиозной константы перечисляются соратники пророка, достойные уважения и почитания верующих. Служитель ислама называет правоверным имена тех, роль которых значительна в утверждении веры: это пророк Магомет, «раб Создателя и посланник Его»; это Гуммир, отличающий «справедливость от несправедливости, блюститель правосудия»; Абубакир – «близкий к великому Пророку, первый его товарищ», также строгий блюститель справедливости и «сотрудник Божия Посланника»; Алей Боголюбивый – «мужественный из всех и милосерднейший ко всем повелитель правоверных», Усман – блюститель «Алкорана»; «святейшие мужи», подобные солнцу Хасян и Абдуллин Хусяин и многие другие (Невзоров, 1803, с. 231-234). Перечень «великих у Бога представителей» весьма подробен в своих характеристиках. Трансфер религиозных текстов с выделением определяющих религиозную специфику констант формирует представление о мусульманской вере в ее главных содержательных составляющих.

Художественный механизм ретрансляции мусульманского весьма разнообразен, и одна из форм его проявления – соположение в повествовании нескольких религиозных констант, имбрикация концептов которых и создает представление о другой вере. Одна из таких констант – религиозная эпиграфическая культура, с которой писатель и знакомит русского читателя. Надгробные надписи на могильных камнях транслируют представления верующего о Боге и его сущности, человеке и мироздании. Писатель приводит в путешествии различные типы эпиграфических надписей, передающих значимый религиозно-культурный контекст. Прежде всего это эпитафии, строки которых говорят о вечности «одного великого Бога» и бренности человеческого существования. М. И. Невзоров (1803) приводит одно из ярких эпиграфических изречений, выражающих представление мусульманина о Создателе и его сущности: «Святой, непорочный, неизменяемый, непреложный, великий и всехвальный Бог говорит, что на земле сей нет ничего вечного; но сам великий и благоговейно поклоняемый твой Бог, о Мухаммед, есть вечен и ни начала, ни конца не имеет» (с. 249).

Писатель акцентирует внимание и на эпитафиях со словами пророка Мухаммеда, один из образцов которой он также эксплицирует в текст: «Мир сей не вечен, и в нем нет совершенного спасения» и «Благослови Господи его спасение» (Невзоров, 1803, с. 249). Эпиграфические надписи, кроме обращения к Богу, неизменно содержат имя и год почившего, что отмечается автором. Пространное изречение «на камне» о Мухаммеде Галее Мухаммеде Шахове, убитом от рук иноверца «от Егиры 936 лета в месяце Зилькагиде», позволяет писателю вести разговор о специфике мусульманского летоисчисления, отличающегося от принятого: оно связано с таким значимым религиозным событием, как переселение пророка Магомета из Мекки в Медину, – эгирой (эджрой). М. И. Невзоров (1803, с. 250), предлагая читателю арифметические подсчеты, приходит к выводу, что первый год эгиры соответствует христианскому 622 году, поэтому у мусульман сейчас идет 1178 год, следовательно, покоящийся был убит в 1558 году. Отмечаются автором и надписи на могильных камнях, которые содержат восхваление несомненных достоинств ушедших, как мужчин, так и женщин. Именно экспликация религиозных констант позволяет автору создать яркий мусульманский (татарский) образ в континууме большого русского мира.

Передача такого религиозного атрибута, как мусульманская эпиграфика, – редкое явление в русском литературном процессе XIX века, и в этом аспекте следует назвать сочинение П. П. Свинына (1839) «Картины России и быт разноплеменных ее народов». При характеристике уклада жизни и веры поволжских татар писатель эксплицирует в текст эпитафии, поясняя, что это «арабские изречения», темы которых взяты из Корана. В главе «Развалины города Болгар» П. П. Свинын (1839, с. 194) приводит надгробные надписи, которые, по мнению автора, и передают представление о «мухаммеданстве». Писатель дает эпиграфические тексты,

в которых просматриваются три содержательные составляющие: обращение к вечному Богу-Создателю, утверждение кратковременности земного бытия и неотвратимости «высшего» суда. Одно из надгробных изречений, отличающихся поэтичностью и духом «восточного витийства», особо выделяется автором: «Смерть подобна полной чаше питья: всем людям ее пить, никому не миновать. Гроб – врата смерти, все люди пройдут в них. <...> Все живые вскоре умрут, кроме Господа Бога» (Свиньин, 1839, с. 195). Выстраивание констант иного религиозного сознания в произведении П. П. Свиньи́на не только репродуцирует религиозно-культурную идентичность татар, но и предоставляет читателю возможность межконфессионального сопоставления и диалога.

Религиозные константы в создании иноэтнического образа появляются в произведениях писателей, обращающихся к изображению событий Отечественной войны 1812 года. В русской литературе появляется изображение «многоплеменной» русской армии: в сочинениях К. Н. Батюшкова, Ф. Н. Глинки, С. Н. Глинки, Д. В. Давыдова, А. Ф. Раевского это «полки славян», «башкирцы, горцы и татары», «сын пределов Енисейских», «Придонский казак», ведущий на Сену «коня степнова Калмык», «Мордва, Тептери, Мещеряки, Черемисы»; в русской литературе XIX века наблюдается практика обозначения национальности с прописной буквы. Писатели обращаются к инациональной поэтической традиции, вводя ее в русское литературное пространство. Т. С. Беляев и П. М. Кудряшев одни из первых использовали башкирские народные источники. В произведениях Тимофея Беляева «Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских, 1809 года» и «Песнь Курайча Рифейских гор» присутствуют башкирские фольклорные предания. Воины-батыры предстают в русле устной поэтической традиции как народ, «семью зовущий родами», который в военных сражениях, уподобляющихся «тую» – свадебному башкирскому пиру, в содружестве с русскими рождает новую общность – «восьмой род»:

«Из дальних зрю толпами
Аулов едущий народ,
Семью зовущий родами,
В осьмой присвоенный им род» (Беляев, 1971, с. 500).

Т. С. Беляев (1971) вводит в повествование религиозную константу, которой передается и акцентируется в «Песне Курайча Рифейских гор» сакральный смысл военных событий. Отечественная война 1812 года осмысливается в аспекте мирового эсхатологического сражения: в песне просматривается контекст противоборства двух сил – божественных и сатанинских, воплощением которых у мусульман является древний «Даджал», низвергнутый Аллахом в бездну:

«Народ! Внемлите весть благую,
Урус погану рать и злую
Попрал, стоптал, под ноги смял.
Джигиты наши подоспели,
Как снежны бури налетели,
И враг на Запад побежал» (с. 500).

Лирический цикл П. М. Кудряшева об участии башкир в Отечественной войне 1812 года («Прощание башкирца с милой», «Песнь башкирца перед сражением», «Песнь башкирца после сражения») является вольным переводом башкирских песен, материал которых представлен в форме русской фольклорной традиции. Однако писатель в ткань повествования вводит образы культуры мусульманской. Храбрость и мужество башкира «на поле брани» подкрепляются клятвой, священной и непреложной для батыра, – «Аллоу великим», «пророком божиим» Магометом и «священным Алкораном». Воинам, «ожидающим сражения», ниспослано благословение самого Создателя – Аллаха. П. М. Кудряшев (1828) вводит в произведение и такую значимую религиозную константу, как мусульманский рай. Погибшему башкиру даруется рай, который предстает в «Песне башкирца после сражения» в кораническом контексте:

«Вам счастье, радости в раю;
Там гурий девственных лобзанье,
Их ароматное дыханье,
Объятия, улыбка, взгляд –
Блаженством храбрых наградят!» (с. 200).

Вводя религиозную константу, П. М. Кудряшев не только кодифицирует мусульманское, передавая национальное мировидение, но и намечает в поэтической системе произведения пути художественного соединения разных национально-культурных традиций, органично вводя их в эстетическое поле русской литературы.

Религиозные константы как определяющие в передаче инациональных явлений активно задействованы в романе Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома». В произведении писателя возникают разнообразные этнические образы, представители разных вер и культур, в описании которых значимы именно религиозные составляющие, связанные с праздниками и обрядами разных вер. Изображая Россию полиэтноконфессиональную, писатель эксплицирует аспекты, обусловленные вероисповеданием героев. Ф. М. Достоевский описывает Рождество, Великий пост, Пасху у православных, мусульманские праздники, еврейскую пятничную молитву и субботу – день отдыха и покоя. Религиозными реминисценциями из Евангелия, Ветхого Завета, Корана транслируется в «Записках из Мертвого дома» этническое, что отмечалось в нашей статье (Сарбаш, 2012а). Описание Пасхи и особого состояния арестантов во время причащения перед праздником

усиливается реминисценцией «но яко разбойника мя приими», отсылающей к православной молитве «Последование ко святому причащению. Молитва 1-я, святого Василия Великого»: «Прими убо и мене, Человеколюбче Господи, якоже блудницу, яко разбойника, яко мытаря и яко блуднаго и возми мое тяжкое бремя грехов, грех вземляй мира, и немощи человеческия исцеляй, труждающиеся и обремененныя к Себе призываяй и успокаиваяй, не пришедший призвати праведныя, но грешныя на покаяние» (Молитвослов, 1908, с. 382-383). Реминисценция способствует передаче состояния искреннего душевного покаяния. «Разбойники» осознают греховность своей жизни, но при этом в них рождается и чувство сопричастности со всеми накануне этого великого праздника: «Когда священник с чашей в руках читал слова: "...но яко разбойника мя приими", – почти все повалились в землю, звуча кандалами, кажется, приняв эти слова буквально на свой счет» (Достоевский, 1988, с. 177).

Характеры персонажей предстают в произведении в разнообразных религиозных манифестациях. Ветхозаветная реминисценция об исходе евреев из Египта создает в произведении Ф. М. Достоевского еврейский религиозно-мифологический контекст. «Смешной мотив» без слов, который часто напевает Исая Фомич Бумштейн, по его утверждению, и пели все «шестьсот тысяч евреев», когда возвращались из египетского плена, переходя через «Черное море» (Исход, глава 14). «Далекие константы» (М. Бахтин) иного религиозного сознания, эксплицитное сосуществование вер создают в «Записках из Мертвого дома» образ полиэтноконфессиональной каторги и полихромность российской действительности.

Мусульманские константы и связанный с ними коранический контекст обозначены при изображении Алея, которого рассказчик учит грамоте по Евангелию. Нагорная проповедь вызывает душевный отклик мусульманина, братья которого также восторженно отзываются о христианском пророке, творящем «великие» чудеса: «Иса... сделал из глины птицу, дунул на нее, и она полетела...» (Достоевский, 1988, с. 54). В этом тексте явно просматривается кораническая реминисценция – сура 3, аят 43: «Я пришел к вам со знаменем от вашего Господа. Я сотворю вам из глины по образу птицы и подую в нее, и станет это птицей по изволению Аллаха. Я исцелю слепого, прокаженного и оживлю мертвых с позволения Аллаха» (Коран, 1990, с. 9). Соединение различных религиозных констант создает широкого спектра диалоговую векторность в изображении полиэтнической России.

В качестве кодификатора инонационального русскими писателями часто использовались этнические религиозные мифологемы, уходящие к дохристианским истокам народной памяти, хранящей былые предания. В произведениях В. И. Даля, А. И. Герцена, Н. С. Лескова, Н. Д. Телешова, Н. Г. Гарина-Михайловского, П. И. Мельникова-Печерского, С. В. Максимова и многих других русских писателей появляются языческие национальные божества, с которыми связаны этнические предания, народные обычаи и обряды. Инонациональный фольклорный материал, передававший исторические события, духовно-нравственные представления, мирозерцание народа, имел особый интерес для русских писателей при создании этнического образа.

Н. Д. Телешов в повести «Сухая беда» в изображении инонационального прибегает к дохристианским религиозно-мифологическим константам жизни, демонстрируя процесс «трансплантации культур» (Д. Лихачев). Героем произведения является чуваш Максимка, с которым связан в произведении определенный этнографический пласт жизни. В изображении Максимки и в сюжетной динамике произведения определяющими являются чувашские верования. Архетипы национального сознания предстают в повести «Сухая беда» в триаде, образуемой дохристианскими константами: это мифологемы «Хаяр-Кереметь» (злой языческий бог), ад («тамок хуран») и древний обычай «сухая беда», которые не только представляют народную память, но и являются в повести «генератором новых смыслов» (Ю. Лотман).

Максимка, желая восстановить справедливость и наказать богача Курганова, незаслуженно обвинившего Феню в воровстве, обращается за помощью к божеству своей старой чувашской веры – Хаяр-Керемети. В передаче нерусского писателя часто обращались к этническим мифологемам народного сознания, спектр которых анализировался в статье «Чувашские языческие боги в творчестве русских писателей XIX века» (Сарбаш, 2010). Н. Д. Телешов (1956) отмечает синкретизм, двоемирие крещеного героя, когда аккультурация не вытеснила прежнего мирозерцания. Мифологема «Хаяр-Кереметь» – тот религиозный трансфер, который вводит в повествование большой смысловой потенциал, создавая металитературный план в произведении. Писатель передает и разъясняет русскому читателю далекую этническую архаику, которая коррелирует с содержательной системой текста: «Хаяр-Кереметь – самое свирепое божество, приносящее скорбь и бедствия, имя которого небезопасно упоминать даже в молитве» (с. 289).

В состоянии безысходности, когда «привитое к его душе» русское «отдалилось и умерло», Максимка решает обратиться к своему свирепому божеству, которое и должно покарать богатого русского Курганова. Имбрикация различных религиозных констант передает большой содержательный объем культурно-религиозной памяти. При создании этнического образа у Н. Д. Телешова (1956) прослеживается внутренняя дифференциация в передаче национальных явлений: следы далекой архаики обозначены еще в одной, задействованной в повести мифологеме «тыпь-шар» («сухая беда») – к идущему от предков, своеобразному способу мести обидчику. Н. Д. Телешов, изображая героя-чуваша, вводит в повествование национальный обычай, поясняя его русскому читателю: «Тыпь-шар – сухая беда, то есть непредвиденное и неодолимое несчастье. "Тащить сухую беду" – это значит, что назолю своему заклятому врагу нужно повеситься у него во владении, чтобы заставить его мучиться всю жизнь» (с. 291). В мифологизированном сознании представлялось, что повесившийся человек поселится в доме обидчика как месте своей смерти: он будет постоянно являться, напоминая о себе и обрекая врага на тяжелейшие нравственные страдания. Для Максимки чувашское «тыпь-шар» становится

единственно возможным способом наказания врага («куштана») Курганова: это его долгая и мучительная гибель, самоказнь, избежать которую невозможно. Соположение национальных архетипов и передает религиозную идентичность в ее этнической полноте и достоверности выражения; национально-мифологическая картина мира в сравнительно-сопоставительном плане интересно анализируется в статье (Артемьев, Ляпаева, Федяй, 2021).

В повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» православный Иван Флягин предстает в полиэтноконфессиональном взаимодействии, оказываясь в многочисленных ситуациях взаимоотношений с персонажами других вероисповеданий; полиэтничность как религиозная проблема повести анализируется в работе (Гримстад, 1998). При изображении чуваша, с которым Флягин встречается в степи, уйдя из татарского плена, Н. С. Лесков обращается именно к той религиозной константе, которой максимально полно передается инонациональное народное сознание. Мифологема «Киреметь» как ретранслятор иного религиозного опыта – доминантная в создании этнического персонажа. Флягин не воспользовался предложением чуваша подвезти его, потому что не понял, какую веру тот исповедует. Из разговора выясняется, что чуваш почитает Богородицу, Христа, Николая Святителю; Николай Чудотворец как «Русский Бог» пользовался особым почитанием у крещеных поволжских народов (Сарбаш, 2012b). Однако чуваш чистосердечно признается, что на одного «Николача» летнего он не надеется и жертвует целого бычка своей Керемети (Лесков, 1989, с. 275). Имбрикацией религиозных констант Н. С. Лесков передает синкретизм сознания персонажа, его двоимирие – причудливое соединение христианского с прежней верой, так и не ушедшим языческим.

Заключение

В создании этнического образа в сочинениях рассматриваемых писателей доминантными являются религиозные константы, представляющие явление в ментальных исторических нарративах. Репродуцирование культурной идентичности и формы текстуализации иного религиозного опыта различны: они представлены в таких вариантах проявления, как мусульманский молитвенный текст, эпиграфические надгробные надписи, описание культового сооружения мечети через сопоставление с христианским и пояснение им, что и создает художественную легитимацию инонационального мира в путешествии М. И. Невзорова. Трансфер отдельных религиозных констант как способ экспликации этнических свойств в создании инонационального образа наблюдается в произведениях Т. С. Беляева и П. М. Кудряшева. Конфессиональные константы и реминисценции создают нерусского персонажа и инонациональный образ полиэтноконфессиональной каторги в романе Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома». Выстраивание мифологем иного религиозного сознания – дохристианского, языческого миропонимания в соположении различных национальных архетипов в сюжетно-композиционной системе произведения – не только репродуцирует этнический опыт народа, но и создает многовекторность межкультурного конфессионального диалога в повестях Н. Д. Телешева и Н. С. Лескова.

Перспективы дальнейшего исследования строятся на продолжении изучения этнического образа в совокупности доминантных составляющих на материале творчества русских писателей XIX–XX веков.

Источники | References

1. Артемьев Ю. М., Ляпаева Л. В., Федяй С. В. Национально-мифологическая картина мира в поэмах К. Иванова «Нарспи» и С. Есенина «Анна Снегина» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (111).
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
3. Библер В. С. Культура. Диалог культур (опыт определения) // Вопросы философии. 1989. № 6.
4. Борисова В. В. Синтез религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф. М. Достоевского (Библия и Коран) // Щенников Г. К., Борисова В. В., Михнюкевич В. А. Творчество Ф. М. Достоевского: искусство синтеза: коллективная монография. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1991.
5. Гримстад К. А. Полиэтничность как религиозная проблема в «Очарованном страннике» Н. С. Лескова // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5.
6. Лотман Ю. М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн, 1992. Т. 1.
7. Сарбаш Л. Н. Полиэтноконфессиональная Россия в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2012а. № 4.
8. Сарбаш Л. Н. Рецепция «инонационального» в творчестве М. И. Невзорова: мусульманский мир в «Путешествии в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2013. № 1.
9. Сарбаш Л. Н. Русские писатели XIX века о религиозно-христианских верованиях поволжских народов: Николай Чудотворец как «Русский Бог» // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2012b. № 1.
10. Сарбаш Л. Н. Чувашские языческие боги в творчестве русских писателей XIX века // Сопоставительная филология и полилингвизм: мат. междунар. науч. конф. (г. Казань, 29 сентября - 1 октября 2010 г.). Казань, 2010.

Информация об авторах | Author information

Сарбаш Людмила Николаевна¹, д. филол. н., доц.

¹ Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Sarbash Lyudmila Nikolaevna¹, Dr

¹ I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

¹ sarbash.lu@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.01.2023; опубликовано (published): 28.02.2023.

Ключевые слова (keywords): русские писатели; религиозные константы; этнический образ; русская литература XIX века; межкультурный диалог; Russian writers; religious constants; ethnic image; Russian literature of the XIX century; intercultural dialogue.